

The article deals with interrogative constructions fulfilling the function of the addressee's answers to initiating questions in Russian communicative contexts. The addressee's interrogative constructions have manipulative potential and the ability to act as a means of psychological protection. In the paper, direct and indirect representation of the addressee's interrogative constructions is analyzed. It is concluded that both the addressee's direct and indirect interrogative constructions can be determined by ignoring the answer to the initiating question, the tactlessness of the initiating question, and the recipient's contact orientation. However, the addressee's indirect interrogative constructions are more emotional and expressive than direct ones.

Поступила в редакцию 06.02.2020

Т. П. Ключенович

ЭКСПЛИКАЦИЯ РЕЧЕВОГО/НЕРЕЧЕВОГО ДЕЙСТВИЯ В БЕЛОРУССКОЙ И БРИТАНСКОЙ РЕМАРКЕ

Данное исследование имеет своей целью выявление тенденций к экспликации речевого/неречевого действия в белорусской и британской ремарке в конструкциях с чужой речью. Речеводные глаголы систематизированы в соответствии с их текстуальным и лексикографическим речевым/неречевым значением на три основных блока (речевые, неречевые, глаголы с неосновным значением речи) и два основных типа (с речевым текстуальным и неречевым текстуальным значением). По результатам анализа установлены основные этнолингвистические тенденции употребления речеводных глаголов, относящихся к выделенным блокам и типам. На основании полученных данных формулируется вывод о тенденции к экспликации неречевого действия в белорусской ремарке и речевого – в британской.

На этапе лексико-семантического анализа авторской ремарки в первую очередь значимым представляется рассмотрение ядерного компонента ремарки в конструкциях с ЧР, а именно речеводного глагола. В процессе анализа эмпирического материала в произведениях белорусской и британской художественной прозы всего исследовано 5 202 и 4 385 речеводных глаголов соответственно. Данная статья имеет целью решение следующих задач:

- систематизировать речеводные глаголы в соответствии с их текстуальным и лексикографическим речевым/неречевым значением;
- выявить тенденции к экспликации речевого/неречевого действия в белорусской и британской ремарке.

В результате анализа текстового материала было установлено, что в современных белорусских и британских ремарках используются глаголы как с речевым, так и с неречевым значением. При этом мы различаем лексикографическое и текстуальное значения глаголов и выделяем три основных блока глаголов, вводящих ЧР:

- 1) речевые глаголы, у которых первичное лексикографическое значение и текстуальное значение являются речевыми;

2) неречевые глаголы, у которых лексикографическое и текстуальное значения являются неречевыми;

3) глаголы с неосновным значением речи, которые, как явствует из анализа, занимают промежуточное положение, поскольку их текстуальное значение является речевым, а лексикографическое – может быть либо речевым вторичным, либо неречевым.

Основные характеристики выделенных глагольных блоков и частотность их употребления в белорусском и британском художественных дискурсах отражены в табл. 1, а также графически (рис. 1).

Т а б л и ц а 1

Основные блоки речеводных глаголов в составе ремарки

Глагольный блок	Словарное значение	Текстуальное значение	Белорусская ремарка		Британская ремарка	
			число глаголов	доля в %	число глаголов	доля в %
1. Речевые	речевое	речевое	1 795	34,5	2 197	50,1
2. Неречевые	неречевое	неречевое	3 002	57,7	1 912	43,6
3. С неосновным значением речи	речевое вторичное / неречевое	речевое	405	7,8	276	6,3

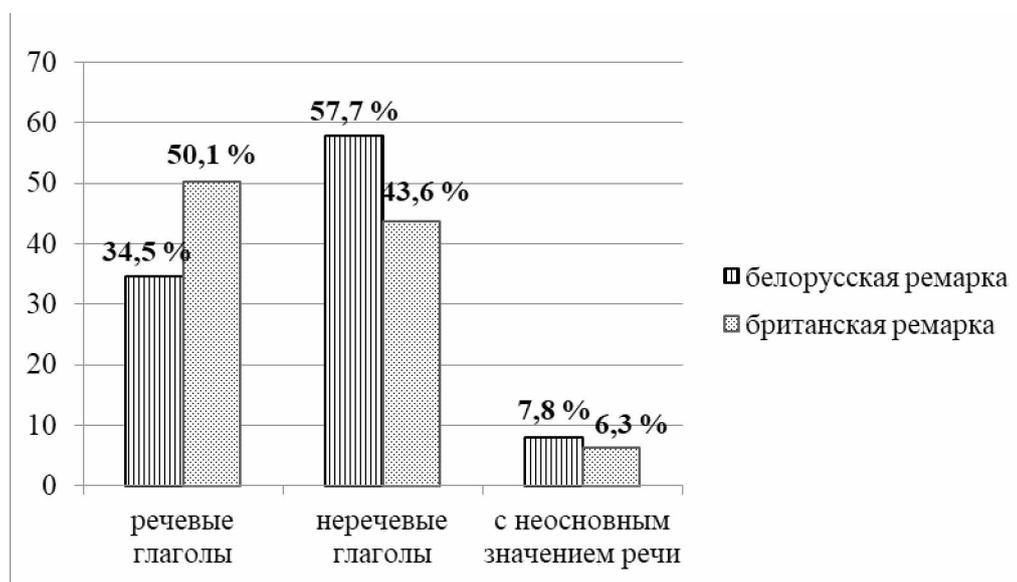

Рис. 1. Представленность глагольных блоков в белорусской и британской ремарке, %

Рассмотрим примеры текстовой реализации речевых глаголов в обоих дискурсах.

1) – *Захадзі, захадзі! – коўтаючы ежу ў роце, прагугнявіў Гуж* [1, с. 134].

2) *Over coffee, he said: 'Once you've got this novel under your belt, why not do a book about motherhood?'* [2, p. 81].

Как видно из контекста, глаголы в представленных ремарках используются для передачи речевой деятельности исходного говорящего (*прагугнявіў, said* ‘сказал’). Рассмотрим словарные дефиниции этих глаголов:

гугнявіць: гаварыць у нос [3, т. 2, с. 92];

to say: utter (specified words) in a speaking voice ‘произносить (определенные слова) вслух’ [4, р. 1229].

Как видим, словарные статьи содержат указания на речь (*произносить, слова, гаварыць* и т.д.). Таким образом, становится очевидным, что у глаголов, относящихся к выделенной группе, как словарное, так и текстуальное значения являются речевыми.

В результате анализа текстового материала зафиксировано, что в британской ремарке блок речевых глаголов является самым крупным (50,1 %): он включает более половины всех речевводных глаголов. В рамках белорусской ремарки глаголы, относящиеся к выделенному блоку, составляют только 34,5 % (см. табл. 1, рис. 1).

Рассмотрим примеры употребления неречевых глаголов, которые, как показал анализ материала, также могут вводить реплику персонажа в конструкциях с ЧР:

1) – *Што ты кажаш, Агюль? – спалохаўся, адразу як бы змірзанаеў стары хан* [1, с. 217].

2) ‘No!’ *Gertrude spun round* [5, р. 24].

В представленных примерах наблюдается явление семантического эллипсиса глагола, который предполагает опущение глаголов со значением речевого действия в рамках ремарки и использование неречевых глаголов в качестве их функциональных заместителей с целью передачи различных действий исходного говорящего, сопутствующих говорению (*спалохаўся, змірзанаеў, spun round* ‘повернулась кругом’). Рассмотрим значения этих глаголов в лексикографических источниках:

палохацца ‘прыходзіць у стан страху, боязні’ [3, т. 5, кн. 1, с. 247];

змірзанаець ‘схудзець, здрабянець, асунуцца’ [3, т. 2, с. 491];

to spin ‘turn or cause (a person or thing) to turn or whirl round quickly’ – ‘повернуться или заставить (человека или вещь) быстро повернуться или вращаться’ [4, р. 1340].

Словарные дефиниции подтверждают, что глаголы данного блока не характеризуют речь исходного говорящего. Отметим, однако, что различные неречевые действия также являются компонентами коммуникации, обосновывая возможность введения реплики персонажа глаголами данного типа. Выполняя синтаксическую функцию введения чужой речи, они не указывают на речевую деятельность исходного говорящего, а замещают опущенный глагол говорения, принимая на себя его функцию. По результатам проведенного анализа эмпирического материала неречевые глаголы составляют 57,7 % и 43,6 % в белорусской и британской ремарке соответственно (см. табл. 1; рис. 1).

Особого рассмотрения заслуживают глаголы с неосновным значением речи. Данный блок глаголов выделяла Е. О. Новицкая, относя к нему глаголы с неречевым словарным значением, у которых окказиональное речевое значение реализуется под влиянием функционально-коммуникативной заданности [6, с. 88]. Мы считаем необходимым уточнить состав блока глаголов с неосновным значением речи: помимо неречевых глаголов с окказиональным речевым значением мы относим к данному блоку глаголы, первичное лексикографическое значение которых является неречевым, но в ремарке реализуется их вторичное словарное речевое значение. Таким образом, в рамках блока глаголов с неосновным значением речи мы дифференцируем два типа глаголов:

1) глаголы с узуальным речевым значением: у глаголов данного типа речевое значение является лексикографически зарегистрированным, хотя и вторичным (например, у глагола *bark* ‘лаять’ первичное значение неречевое (*make the cry of dogs* ‘издавать звук, присущий собаке’ [7, р. 27]), однако словарь фиксирует вторичное речевое значение: *speak or utter sharply or brusquely* ‘говорить или произносить резко или отрывисто’ [4, р. 103]);

2) глаголы с окказиональным речевым значением: речевое значение не зафиксировано в словаре и проявляется только в результате текстовой реализации (например, глаголы *ляснуць, выдушваць, permit* ‘позволять’ обладают исключительно неречевым лексикографическим значением) [3, т. 1, с. 534; т. 2, с. 682–683; 4, р. 1018; 8, р. 249; 9, р. 150]).

В функции речеводных оба типа глаголов с неосновным значением речи выступают в качестве речевых, поскольку в ремарке происходит актуализация их речевого значения, и они употребляются для характеристики речевой деятельности исходного говорящего.

По данным проведенного исследования блок глаголов с неосновным значением речи является немногочисленным в обоих дискурсах и составляет 7,8 % и 6,5 % в белорусской и британской ремарке соответственно (см. табл. 1; рис. 1).

Рассмотрим пример текстовой реализации глагола первого типа с узуальным значением речи, где речевое значение зафиксировано в словаре, но является вторичным.

– *Сігізмунд Станіслававіч тады злосна ўпёрся позіркам у Міхася і працадзіў скрозь зубы нешта пра самаўпэўненых невукаў* [14, с. 431].

В своем первичном словарном значении глагол *цадзіць* обозначает неречевое действие, а именно, ‘прапускаць (малако, вадкасць) праз цадзілку, сіта або друшляк для ачысткі’ [3, т. 5, кн. 2, с. 225]. В подобных случаях необходимо рассмотрение контекста как информации об условиях употребления высказывания, поскольку именно наличие контекста, не типичного для основного значения глагола, способствует выявлению его окказионального значения [10, л. 33; 11; 12; 13]. При этом под контекстом мы понимаем оба компонента конструкции с ЧР: ремарки и реплики. В данном текстовом фрагменте основное значение глагола *цадзіць* не является

актуальным. Здесь реализуется его вторичное речевое значение ‘вымаўляць праз зубы’ [3, т. 5, кн. 2, с. 225]. Во-первых, об этом свидетельствует обстоятельственный конкретизатор *скрозь зубы*, который используется автором при глаголе. Во-вторых, дополнительным маркером является сама реплика, которая представлена в форме дополнения (*нешта пра самаўпэўненых невукаў*). Реплика показывает отнесенность речеводного глагола *цадзіць* к речевой деятельности, а не к неречевому действию персонажа, сопутствующему говорению.

Рассмотрим также пример использования глаголов второго типа, т.е. окказиональных употреблений неречевых глаголов в речевом текстуальном значении. В подобных случаях речевое значение не фиксируется в лексикографическом источнике, однако реализуется в конкретном контексте.

Mrs. Smith stood up. ‘I don’t like it. I am going.’

‘Oh, no,’ said Conrad. ‘<...> You may be a part of a plot, after all. <...>’

<...> Mrs. Smith pulled. ‘You have got to help’.

В словарной дефиниции глагола *pull* (*exert a pulling force; be caused to move, esp. in a specified direction* ‘применять тяговую силу; быть побуждаемым двигаться, особенно в конкретном направлении’ [4, р. 1109]) нет указаний на речевую деятельность. Речевое значение не зафиксировано в словаре и в качестве вторичного. Однако в ремарке *Mrs. Smith pulled* глагол *pull* не употребляется в своем прямом значении, о чем свидетельствуют два фактора: семантическая структура самого глагола и контекст. Во-первых, в семантике глагола *pull* ‘тянуть, дергать’ присутствует сема ‘воздействие’, которое может осуществляться и в словесной форме. Кроме того, рассматриваемая ремарка является частью диалога двух персонажей (*Mrs. Smith* и *Conrad*), реплики которых помогают понять смысл рассматриваемой ремарки: *I don’t like it. I am going* ‘Мне это не нравится. Я уйду.’ *Oh, no, you may be a part of a plot, after all* ‘О, нет, в конце концов ты можешь стать частью заговора’. Отнесенность последней реплики (*You have got to help* ‘Ты должен помочь’) к рассматриваемой ремарке (*Mrs. Smith pulled* ‘Миссис Смит дернула/наступила’) указывает на речевую деятельность исходного говорящего и предполагает словесное воздействие на собеседника. Таким образом, как семантическая структура глагола, так и контекст указывают на окказиональное речевое употребление.

Анализ и широкое сравнение эмпирического материала, касающегося текстовых реализаций значений речеводных глаголов, выявило, что в ремарках современных британских и белорусских авторов наблюдается определенная лингвокультурная специфика относительно тенденций к экспликации речевого/неречевого действия в ремарке. Тенденции установлены с учетом частотности представленности в белорусских и британских ремарках глаголов, относящихся к трем выделенным глагольным блокам (см. табл. 1; рис. 1). При этом мы принимаем во внимание тот факт, что глаголы с неосновным значением речи в ремарке всегда используются в речевом

текстуальном значении и, следовательно, употребляются с целью экспликации речевого действия персонажа. Таким образом, в соответствии с текстуальным значением мы подразделяем все речеводные глаголы на два типа:

1) глаголы с речевым текстуальным значением (включает два блока: речевые глаголы и глаголы с неосновным значением речи);

2) глаголы с неречевым текстуальным значением (включает блок неречевых глаголов, поскольку они всегда употребляются в контексте в своем словарном (неречевом) значении).

Полученные данные представлены в табл., а также графически (рис. 2).

Т а б л и ц а 2

Частотность представленности глаголов
с речевым/неречевым текстуальным значением в составе ремарки

Тип глаголов	Белорусская ремарка, %	Британская ремарка, %
С речевым текстуальным значением (речевые + глаголы с неосновным значением речи)	42,3 (34,5% + 7,8 %)	56,4 (50,1% + 6,3 %)
С неречевым текстуальным значением	57,7	43,6

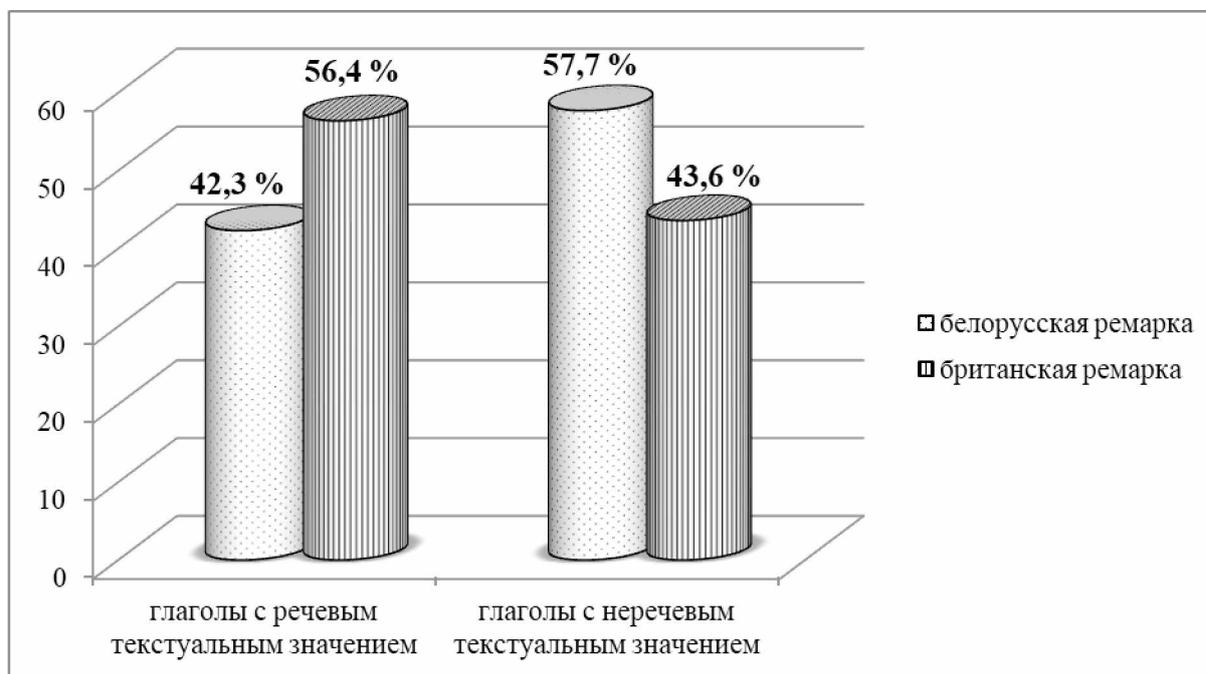

Рис. 2. Представленность глаголов с речевым/неречевым текстуальным значением в белорусской и британской ремарке, %

В плане сопоставительного анализа данные таблицы и диаграммы иллюстрируют, что глаголы с неречевым текстуальным значением преобладают в белорусской ремарке (57,7 % против 43,6 % – в британской).

В отношении глаголов с речевым текстуальным значением наблюдается зеркальная ситуация: они проявляют более высокую частотность в британской ремарке (56,4 % против 42,3 % – в белорусской) (см. табл. 2; рис. 2). Полученные результаты свидетельствуют о тенденции к экспликации неречевого действия в белорусской ремарке, с одной стороны, и о тенденции к экспликации речевого действия в британской ремарке – с другой.

В отношении представленности основных блоков и типов речеводных глаголов в белорусской и британской ремарке можно сформулировать следующие выводы:

1. В белорусской и британской ремарке выявлено три основных блока глаголов, вводящих чужую реплику: речевые (50,1 % и 34,5 % в британской и белорусской ремарке соответственно), неречевые (43,6 % и 57,7 % в британской и белорусской ремарке соответственно) и глаголы с неосновным значением речи (7,8 % и 6,3 % в белорусской и британской ремарке соответственно)

2. Неречевые глаголы в ремарках могут выступать в качестве функциональных заместителей речевых. В рамках блока глаголов с неосновным значением речи выделено два типа: глаголы с узуальным и окказиональным речевым значением.

3. Полученные результаты свидетельствуют о тенденции к экспликации неречевого действия в белорусской ремарке (глаголы с неречевым текстуальным значением преобладают и составляют 57,7 % против 43,6 % в британской) и речевого в британской (глаголы с речевым текстуальным значением составляют 56,4 % против 42,3 % в белорусской).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дайнека, Л.* След ваўкалака : раман / Л. Дайнека. – Мінск : Юнацтва, 2001. – 346 с.
2. *Coe, J.* What a carve up! / J. Coe. – London [etc.] : Penguin, 1995. – 502 p.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Акад. навук Беларус. ССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1977–1984.
4. *The Concise Oxford Dictionary of Current English* / ed. D. Thompson. – 9 th ed. – Oxford : Clarendon Press, 1995. – XXI, 1673 p.
5. *Freud, E.* The sea house / E. Freud. – London : Penguin, 2004. – 279 p.
6. *Новицкая, Е. О.* Семантические особенности глаголов не-речи, вводящих прямую речь (на материале современного английского языка) / Е. О. Новицкая // Семантика и типология разносистемных языков : сб. науч. тр. / Ташкент. гос. ун-т ; редкол.: Э. С. Азнаурова (отв. ред.) [и др.]. – Ташкент, 1986. – С. 83–89.

7. New Expanded Webster's Dictionary / ed.: R. F. Patterson. – Miami : P.S.I. & Associates, 1989. – 384 p.
8. Webster's Dictionary and Thesaurus. – Ashland : Landoll, 1997. – 448 p.
9. *Smith, Z. White teeth* / Z. Smith. – London: Penguin, 2000. – 542 p.
10. *Черкасова, Г. В. Гибридные формы чужой речи в свете теории высказывания* : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Г. В. Черкасова. – Пятигорск, 2013. – 173 л.
11. *Бабенко, Л. Г. Функциональный анализ глаголов говорения, интеллектуальной и эмоциональной деятельности (на материале художественной речи А. Платонова)* : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. Г. Бабенко ; Рост. гос. ун-т. – Ростов н/Д, 1980. – 25 с.
12. *Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров* / М. М. Бахтин // Собр. соч. : в 7 т. – М., 1996. – Т. 5 : Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – С. 159–206.
13. *Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества* : сб. избр. тр. / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
14. *Рублеўская, Л. Ночы на плябанскіх млынах* : раман, аповесць, апавяданні / Л. Рублеўская. – Мінск : Маст. літ., 2013. – 526 с.

The article focuses on ethnolinguistic tendencies of explication of speech and non-speech actions in the remarks of Belarusian and British authors. On the first stage of analysis, the verbs used in the remarks are subdivided into three main blocks (according to their textual and lexicographical meaning) and later combined into two main types (verbs with speech and non-speech textual meaning). It is concluded that in modern Belarusian and British fiction two opposite tendencies are observed: explication of non-speech actions in Belarusian remarks and explication of speech actions – in British remarks.

Поступила в редакцию 28.01.2020

О. Ф. Курилович

АКТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА

В статье дается обзор моделей ментального лексикона, рассматриваются различные подходы к понятию *ментальный лексикон*, выявляется особенность его трактовки. На основе детального анализа современных исследований ментального лексикона делается вывод о невозможности построения его универсальной модели, которая подходила бы под данные любого языка. Автор приходит к выводу, что для построения идеальной модели необходимо дальнейшее исследование специфики ментальных лексиконов языков разных языковых семей.

Когнитивная система человека возникает в результате когнитивной деятельности и отражается в сознании человека в форме индивидуального ментального лексикона. Ментальный или внутренний лексикон есть не что иное, как одна из форм представления и хранения знаний (памяти), система